

Глава 18. Сладкая реальность

Процесс отделения сознания от виртуального мира был странным.

Чувства возвращались к телу по каплям; разум то погружался в вязкую глубину, то всплывал на поверхность, сохраняя при этом пугающую ясность.

Когда игра закончилась и привычное зрение рухнуло, в голове Ли Цзяньчуаня само собой возникло изображение карты Закона, полученной в этом раунде. Стоило ему изучить условия, как лицевая сторона карты вновь стала девственно чистой, но мгновение спустя по ней поползли алые разводы крови, складываясь в новые строки:

[Особая способность: Выдавать желаемое за действительное]

[Ограничение: один раз за игру. Позволяет произнести одну фразу, не связанную с правилами сюжета — эта фраза, независимо от её правдивости, станет установленной истиной в текущей игре.]

Способность казалась невероятно мощной, хотя границы её применения оставались размытыми.

Как только Ли Цзяньчуань дочитал, карту вновь залило багрянцем. Она превратилась в мягкий кровавый листок и бесследно растворилась.

Нахлынуло резкое головокружение.

Мир завертелся, а затем пришло ощущение небывалой тяжести — душа словно со свистом вернулась в положенное ей место.

В нос ударил слабый запах медикаментов. Мужчина шевельнул руками и ногами; отозвался металлический лязг цепей.

Он открыл глаза. Картинка перед ним всё ещё двоилась, но зрение быстро сфокусировалось. Серая комната, огромный экран прямо напротив кровати — всё это вызвало у него чувство, будто он отсутствовал целую вечность.

Дыхание рядом стало чуть чаще.

Ли Цзяньчуань повернул голову и увидел Нин Чжуня, который дремал, привалившись к краю постели, и как раз в этот момент открывал глаза. Сквозь полумрак пробились тонкие лучи света, заиграв в его зрачках. Теперь этот взгляд напоминал глубокий лесной затон, в который заглянуло солнце — живой и таинственный.

Он поспешно отвёл глаза.

Ли так и не смог до конца разгадать этого человека.

В голове пульсировала тупая боль. Ли Цзяньчуаню хотелось снова забыться сном, но Нин Чжунь, едва взглянув на него, поднялся и протянул заранее приготовленный стакан:

— Голова раскалывается? Вот, выпей. Это вода с мёдом.

Он взял стакан, принялся и осушил его одним глотком.

Нин Чжунь лишь иронично выгнул бровь, но промолчал. Он забрал пустую посуду и вышел из комнаты.

Оставшись один, Ли Цзяньчуань проверил своё тело. Никаких повреждений он не обнаружил, за исключением одной детали: на внутренней стороне запястья появилась татуировка — серый, щербатый череп.

Он вспомнил красный пион Нин Чжуня и догадался, что это и есть та самая «ключ-татуировка» игры «Пандора». Похоже, еслиходишь в игру через чужой инстанс, даже без прямого приглашения, после победы всё равно получаешь личный доступ. Теперь ему больше не нужна помощь Нина, чтобы вернуться туда.

Весь остаток дня Нин Чжунь в медицинской палате не появлялся.

К собственному удивлению, Ли Цзяньчуань ощутил из-за этого какой-то смутный дискомфорт. Немного поразмыслив, он списал это на силу привычки. В конце концов, в игре они с Нином были неразлучны целых пять суток, словно сиамские близнецы. Когда одна половина внезапно исчезла, мир стал казаться каким-то... неправильным.

Впрочем, именно такая дистанция и была нормой.

подавив глухое раздражение, Ли Цзяньчуань, позвякивая браслетами на руках и ногах, несколько раз обошёл палату, а затем взял с полки книгу и устроился на кровати.

Когда наступил вечер, он освежился в душе и уже собирался лечь спать, как вдруг раздался щелчок — дверь открылась.

Нин Чжунь вошёл с самым будничным видом. На ходу он расстегивал пуговицы белого халата и убирал со лба растрёпанные пряди, обнажая бледное, измученное лицо.

Тёплый пар, поваливший из ванной, ударил ему в лицо. Он инстинктивно прищурился и наткнулся взглядом на Ли Цзяньчуаня, на котором из одежды было лишь обмотанное вокруг бёдер полотенце.

Взгляд доктора скользнул по его груди и прессу, а лицо мгновенно порозовело — то ли от жара, то ли от чего-то иного.

Ли Цзяньчуань тоже опешил.

— Ты что здесь забыл?

Нин Чжунь бросил на него короткий взгляд:

— Вообще-то, это моя спальня.

Он небрежно повесил халат на вешалку и, ничуть не смущаясь, принялся стягивать рубашку и брюки. Распахнув дверь ванной, он привычным движением шагнул в ванну и ногой нажал на кнопку душа.

Раздался шум воды.

Ли Цзяньчуань с досадой вытер лицо полотенцем и с силой захлопнул дверь ванной.

Тщательно вытирая волосы, он улегся на кровать и, оглядевшись, вынужден был признать: эта медицинская палата и впрямь была жилой комнатой Нина. Полки ломились от книг с пометками на полях, повсюду стояли пробирки и флаконы, в углу примостилось удобное кресло-шезлонг, а в ванной было джакузи и электронный экран для просмотра фильмов.

За исключением этой кровати, опутанной электронными замками, всё остальное действительно соответствовало планировке спальни.

Ли Цзяньчуань мельком глянул на закрытую дверь. Оттуда доносились мерные всплески воды.

Примерно через полчаса шум стих. Дверь открылась, и вышел Нин Чжунь в чёрной шелковой пижаме. Одной рукой он вытирал волосы, другой нащупывал фен.

Ли Цзяньчуань привалился к изголовью и лениво спросил:

— И где ты собрался спать?

— Это кресло раскладывается, — Нин Чжунь кивнул на шезлонг, включил фен и принялся

сушить волосы.

Когда прибор затих, его слегка отросшие черные волосы, мягкие и блестящие, словно дорогой шелк, рассыпались по плечам. Кожа Нина казалась совсем белой, с едва заметным румянцем после горячей ванны; этот домашний вид стёр привычное выражение холодного безразличия с его лица.

Он посмотрел на кровать. Ли Цзяньчуань дышал тяжело и ровно — казалось, он уже уснул.

Нин Чжунь нажал кнопку на шезлонге. Тот послушно трансформировался, превратившись в узкую односпальную кровать. Плед, лежавший на сиденье, расправился, становясь одеялом.

Доктор выключил свет и лег.

Тьма заполнила комнату. Стало совсем тихо, слышно было лишь мерное дыхание двоих мужчин.

Проворочавшись час, Ли Цзяньчуань всё же не выдержал. Он бесшумно поднялся, подошел к шезлонгу и бесцеремонно встряхнул Нина за плечо, отвесив ему легкий шлепок по пояснице:

— Кончай притворяться, я знаю, что ты не спишь.

В ответ две тонкие руки обвили его шею.

Нин Чжунь открыл глаза. Взгляд его был ясным, ни капли сонливости, но печать глубокой усталости на лице скрыть было невозможно.

Он притянул Ли Цзяньчуаня к себе, чуть подавшись вперед. Сквозь тонкую ткань пижамы его тело тесно прижалось к груди Ли.

— Плохо мне... никак не уснуть.

Ли Цзяньчуань почувствовал знакомое, но всё ещё немного чужое тепло. Мускулы его мгновенно напряглись. Он дернул бровью, подхватил Нина на руки и перенёс на кровать.

— Будешь меньше паясничать — сразу полегчает.

Накрыв ладонью глаза Нина, Ли Цзяньчуань прижал его к себе:

— Спи давай.

Похоже, Нин Чжунь и впрямь выбился из сил. Стоило ему приткнуться к плечу Ли, как дыхание его выровнялось, и он провалился в глубокий сон.

Ли Цзяньчуань убрал руку, посильнее закутал Нина в одеяло и сам закрыл глаза.

Многолетние тренировки приучили его к чуткому, осторожному сну. Но сон бывает разным. По крайней мере, в эту ночь он спал на редкость спокойно.

***

В последующие дни Нин Чжунь неизменно возвращался спать в палату. Днём он пропадал по делам и всегда выглядел измотанным, но стоило ему оказаться в объятиях Ли Цзяньчуаня, как он засыпал за считанные минуты.

Ли хотел было расспросить его о ключевой татуировке, но стоило ему открыть рот, как Нин Чжунь уже начинал тихо посапывать. Приходилось откладывать разговор на потом.

Прошло ещё два дня.

Судя по электронному календарю, наступило воскресенье.

Рано утром Юаньюань, принёсшая завтрак, сообщила Ли Цзяньчуаню, что с него могут снять цепи. Ему разрешалось свободно перемещаться по этажу, оставив лишь электронный замок на руке. Разумеется, покидать пределы лаборатории было строго запрещено.

— Решили вывести меня на прогулку? — Ли Цзяньчуань усмехнулся.

Он расправил плечи, словно пробудившийся лев, и неспешно зашагал по серебристому металлическому коридору.

Проход был широким и ярко освещённым. По обеим сторонам тянулись ряды стальных дверей с хаотично пронумерованными табличками. Белый свет ламп над головой тянулся вперед бесконечной сверкающей лентой, немного резавшей глаза.

Закрытые комнаты, требующие авторизации, его не интересовали. Он пришёл сюда за Нином, а не за чужими секретами.

В коридоре ему никто не встретился, но вскоре впереди показалась прозрачная стеклянная дверь. Сквозь неё лился яркий искусственный свет, а внутри копошилось множество людей.

Ли Цзяньчуань вскинул брови и толкнул дверь.

Он оказался в огромном холле, размером с футбольное поле. Обстановка была весьма причудливой: ряды книжных стеллажей перемежались с мягкими диванами и столиками, а в нескольких местах красовались барные стойки. На деревянных полках над ними поблескивали перевернутые бокалы.

Десятки людей в белых халатах сновали туда-сюда. Кто-то сосредоточенно читал, кто-то проводил опыты прямо на коленках, чеша в затылке над парой пробирок. На диванах раздавался молодецкий храп — какой-то бородач спал так крепко, что за растительностью не было видно лица. За барной стойкой сидела целая компания, оживленно обсуждая, как придать лекарственному препарату вкус коктейля.

Ли Цзяньчуань прошел сквозь толпу, но никто даже не обратил внимания на его необычный наряд. Он понял, что большинство присутствующих — исследователи из команды Нина. Однако они разительно отличались от того субъекта, которого Ли приложил в первый день: на них не было герметичных скафандров, а в глазах не светилось ледяной злобы.

Эта расслабленная атмосфера помогла и ему немного успокоиться. Он выбрал стойку, за которой шёл самый жаркий спор, и уселся на высокий стул с краю.

Бармен, одетый в такой же белый халат, выглядел весьма эксцентрично: в его нагрудном кармане красовалась ярко-алая роза. На вид ему было около сорока; полудлинные волосы, золотистые очки на переносице — в нём чувствовалась порода «интеллигентного мерзавца».

Заметив Ли Цзяньчуаня, он обернулся, достал бокал и на чистом немецком спросил:

— Какой цвет предпочитаете?

— Красный, — не задумываясь, ответил Ли.

Он хотел было заказать нормального вина, но увидел, как «красавчик средних лет» ныряет под стойку и ловко извлекает пять или шесть пробирок с алой жидкостью. Секунда — и всё их содержимое уже плещется в бокале перед Ли. Смесь забурлила, выпуская на поверхность крупные пузыри.

«Это что, и вправду можно пить?» — у Ли Цзяньчуаня даже зубы заныли от предчувствия.

— Очень вкусно, поверьте, — бармен налил себе порцию и с наслаждением отхлебнул. — Я тоже люблю красный. Цвет жизни, страсти и бодрости. Попробуйте, это пойдёт на пользу вашим старым ранам.

Ли Цзяньчуань покосился на него, осторожно понюхал напиток, но пить не спешил. Бармен не настаивал, лишь дружелюбно улыбнулся:

— Вы ведь наш новый А-3? Уже успели заглянуть в «Пандору»?

Ли не удивился его осведомленности. Вряд ли его появление было секретом для лаборатории «God». Он кивнул и заметил на запястье собеседника маленькую татуировку в форме меча.

— У тебя тоже есть ключ.

— Здесь он есть почти у каждого пятого, — бармен пожал плечами. — «Пандора» выбирает лучших из лучших по всему миру. А я — гений с высочайшим интеллектом, так что она не могла меня пропустить. Впрочем, ум — не единственный её критерий. Как-то в игре я встретил парня, который был туп как пробка, но обладал чудовищной силой. Одной рукой кровать поднимал, понимаете? — он экспрессивно жестикулировал. — Позже я пришёл к выводу: «Пандора» ищет тех, кто в чём-то уникален. Это может быть мастер по сборке кубика Рубика, шахматный гроссмейстер или даже алкоголик, способный перепить целый полк. Возможно всё.

Ли Цзяньчуань спросил:

— У тебя есть Магический ящик?

Бармен покачал головой:

— Нет. Заполучить его — задача почти невыполнимая.

— Тогда как же ты проходишь раунды? Неужели убиваешь других? — Ли был искренне удивлен. За годы службы он научился чувствовать запах крови, но от этого человека не веяло смертью.

— Конечно нет. Я пацифист, — бармен усмехнулся. — Я не убиваю и не всегда стремлюсь разгадать загадку. Но если я доживу до финала и меня не вычислят другие игроки — я прохожу дальше. Это довольно популярный способ. Хотя, признаю, убийства случаются чаще. Те, кто не понимает истинной ценности ящика, выбирают самый простой путь — резню.

Ли Цзяньчуань снова задал вопрос:

— Ключ — очень заметная метка. Бывали случаи, когда игроков убивали в реальности?

— Случалось, но нечасто, — прямо ответил бармен. — Убийство в реальности — это риск, закон и полное отсутствие выгоды. В игре смерть другого игрока или раскрытие его Закона усиливают твои способности в момент финального подсчета. Здесь же от этого никакого проку. Слишком много проблем ради ничего.

— Резонно, — Ли Цзяньчуань усмехнулся.

Он ещё немного поболтал с барменом, а потом всё же решился пригубить алое зелье.

— Я обожаю чунцинский хотпот, вкус один в один, правда? — бармен, которого звали Эндрю, снова приложился к своему бокалу и самодовольно поправил очки. — Я назвал этот коктейль «Маленький перчик».

Ли так и не понял, чем тут можно гордиться. Но этот чёртов «перчик» оказался по-настоящему жгучим. Ли Цзяньчуань порадовался, что сделал лишь глоток — язык тут же онемел, во рту словно полыхнул пожар.

В этот момент женщина-бармен за соседней стойкой, услышав слова Андре, обернулась и холодно рассмеялась:

— Твоё пойло — это «настоящий вкус хотпота»? Не позорь чунцинскую кухню, Эндрю! Твоё варево на вкус хуже, чем дешевая приправа из супермаркета за пятнадцать юаней!

Андре мгновенно вспыхнул:

— Лу Фэй, как ты смеешь сомневаться в моем «Перчике»!

— Я лишь говорю правду, — женщина презрительно фыркнула, поднимая свой бокал с такой же красной жидкостью. — Протри свои глазки, Эндрю, и посмотри: вот так должен выглядеть настоящий коктейль со вкусом хотпота. А ты в этом ни черта не смыслишь!

— Мой коктейль — эталон! — прорычал Эндрю. — Ты его даже не пробовала, так что помалкивай!

— Ты тоже не пробовал мой. С чего ты взял, что твой лучше?

— Тогда пробуй мой!

— А ты мой!

Они перегнулись через стойки, чуть ли не тыча бокалами друг другу в лица. Между ними, казалось, так и летали искры ярости.

Лу Фэй ледяным тоном предложила:

— Давай решать научно и беспристрастно. Если мой хотпот окажется аутентичнее твоего — ты пишешь отчет по вирусам на следующей неделе. Рискнешь?

— По рукам! — Эндрю даже покраснел от злости. — Проигравший пишет отчет за двоих! Кто заберет слова назад — тот трус!

— Идет!

Глаза Лу Фэй метали молнии. Она схватила бокал Эндрю. Тот не остался в долгу и выхватил её напиток. Они синхронно опрокинули в себя внушительные порции.

Прошло несколько секунд.

У обоих губы раздулись, став похожими на две огромные сосиски. Они стояли друг против друга, высунув языки и тяжело дыша, не в силах вымолвить ни слова. Спустя мгновение их лица стали пунцовыми, а головы бессильно опустились — оба рухнули в обморок.

Из-за стоек вышли двое ассистентов, подхватили «дегустаторов» под мышки и быстро уволокли прочь. Проходя мимо, кто-то из исследователей лишь мельком глянул на них и привычно спросил:

— Снова переборщили с остротой?

Окружающие даже бровью не повели — судя по всему, такие сцены были здесь обычным делом.

Ли Цзяньчуань наблюдал за этим представлением с открытым ртом. Его логика впервые не могла выстроить причинно-следственную связь событий. Посмотрев на остальных, которые с самым невозмутимым видом поглощали жидкости невообразимых расцветок, он окончательно убедился: между гением и безумцем — тончайшая грань. На этом фоне Нин Чжунь и впрямь казался самым вменяемым человеком во всей лаборатории.

После обморока Эндрю Ли поговорил ещё с парой человек, но ценной информации не получил. Где именно находится лаборатория «God», как связаться с внешним миром, какова численность персонала — всё это оставалось тайной. Казалось, этих людей вообще не волновало то, что происходит снаружи; их мир ограничивался пробирками и безумными идеями. К тому же его статус подопытного А-3 никого не смущал — к нему относились как к равному коллеге-исследователю.

Поужинав в холле, Ли Цзяньчуань вернулся в палату.

Нин Чжунь уже был там. Он лежал на ковре и вместе с роботом Юаньюань делал упражнения на пресс.

Стоило Ли переступить порог, как шум и суета внешнего мира исчезли, сменившись странным ощущением покоя и уюта. Он посмотрел на запыхавшегося доктора. Тот был в простой белой

футболке, его волосы намokли от пота. Он повернул голову к Ли, не прекращая упражнение:

— Ненавижу спорт.

Ли Цзяньчуань хмыкнул:

— У тебя тело совсем слабое, так что тренируйся.

— Подержи мне ноги, — попросил Нин Чжунь.

Мужчина покосился на робота, который прилежно прижимал ступни хозяина к полу, и усмехнулся:

— У тебя же есть прекрасная и милая Юаньюань.

Нин Чжунь посмотрел на робота. Фотоэлементы Юаньюань вдруг подозрительно замерцали, её круглое тельце картинно завалилось набок, а механический голос выдал с преувеличенным трагизмом:

— Ой! Юаньюань упала! Юаньюань теперь круглый мячик, она больше не может держать ножки хозяина!

С этими словами робот свернулся в сферу и деловито укатился в угол.

Нин Чжунь приподнялся, стянул носки и требовательно посмотрел на Ли. Тот, сцепив зубы, взял книгу, подсел поближе и, вытянув свои длинные ноги, одной рукой крепко прижал ступни Нина к полу.

Доктор, удовлетворенный результатом, продолжил качать пресс, тяжело дыша.

— Через неделю... новый раунд, — проговорил Нин Чжунь, поднимаясь. Тёплый воздух от его дыхания коснулся уха Ли. — Я возьму... ещё одного... фу-х...

Он снова опустился. Край футболки задрался, обнажая полоску бледной, гибкой талии.

— Понял, — коротко отозвался Ли Цзяньчуань.

То, что Нину нужен помощник — дело житейское. Сам Ли теперь тоже мог входить в игру самостоятельно, не полагаясь на доктора, хотя по лицу Нина было ясно: он не собирается так просто лишаться дармовой рабочей силы. О том, кого именно он хочет взять, Нин Чжунь распространяться не стал.

Физическая форма доктора и впрямь оставляла желать лучшего. Спустя пару десятков повторений он выглядел так, словно ему не хватает кислорода. Он уткнулся лицом в плечо Ли, тяжело и неритмично дыша; на его бледных щеках проступил лихорадочный румянец, а лоб покрылся испариной.

— Слишком тяжело... — прошептал Нин Чжунь. — Я занимаюсь спортом всего раз в две недели.

Он пристроил голову в ложбинку между шеей и плечом Ли. Его пальцы как бы невзначай скользнули по мочке уха мужчины. Заметив, как спина собеседника мгновенно напряглась, Нин осмелел и осторожно коснулся пальцами его кадыка.

Годы, проведенные на грани жизни и смерти, приучили Ли Цзяньчуаня оберегать горло — зону, от которой зависит жизнь — с почти звериной бдительностью.

Его взгляд потемнел. Он резко перехватил Нина за затылок, впиваясь в него тяжелым взором, и сквозь зубы процедил то, что давно вертелось у него на языке:

— Жить надоело, а?

Нин Чжунь лишь улыбнулся:

— Ты про ту смерть, что «сладка под сенью пионов»?

— Ну всё, — Ли Цзяньчуань холодно усмехнулся, рывком подхватил его на руки и ногой вышиб дверь в ванную.

Он бесцеремонно запихнул Нина в ванну. Глядя на это невыносимое создание, которое то и дело провоцировало его, Ли больше всего на свете хотел врубить ледяной душ, чтобы тот наконец пришел в себя.

Однако в самый последний момент рука его дрогнула. Ли Цзяньчуань, проклиная себя за эту необъяснимую мягкость, подавил вспышку раздражения и настроил воду на горячую. Оставив кран открытым, он бросил Нину рулон туалетной бумаги и наградил его предостерегающим взглядом.

— Слышал когда-нибудь, доктор Нин? — бросил он напоследок. — От чрезмерного усердия можно и искры высечь, да только сам сгоришь.

— О, так ты мне поможешь держать себя в руках? — Нин Чжунь лениво потянулся в ванне, щурясь от пара. — Только не говори, что тебе всё равно. Если бы тебе было плевать, ты бы давно перестал обращать на меня внимание. Скажи прямо сейчас: «Нин Чжунь, прекрати ко мне приставать», и я тут же оставлю тебя в покое. Ну что, скажешь?

Ли Цзяньчуаню очень хотелось ответить твердо и решительно, но какое-то глубокое, неосознанное чувство и его безупречная интуиция буквально сковали ему язык.

В итоге он не проронил ни слова. Лишь молча признал свое поражение, круто развернулся и вышел из ванной, чувствуя, как внутри всё кипит.

Когда дверь захлопнулась, из-за неё донесся торжествующий и невероятно довольный смех Нин Чжуня.

Отсмеявшись, Нин закрыл глаза и медленно погрузился в теплую воду, позволяя ей сомкнуться над головой.

«Ты никогда не сможешь мне отказать. Так же, как я никогда не перестану тебя любить».

Он беззвучно прошептал:

«Сам ведь говорил — это наш инстинкт».

<http://bllate.org/book/15871/1440056>